

13-ая международная конференция «Балтийского форума»
ЕС И РОССИЯ В 2008 ГОДУ: В ПОИСКЕ НОВЫХ ПОДХОДОВ

23 – 24 мая 2008 года
Baltic Beach Hotel, Юрмала, Латвия

Выступления участников

Владимир Фейгин, директор Института энергетики и финансов (Россия)

«Я постараюсь затронуть вопросы, поднятые г-ном Райли ближе к концу своего выступления, но сразу же хотел бы отметить то, что он говорил о конкретных решениях по либерализации, этих решений нет, они еще не приняты, т.е. это то, что сейчас остро дискутируется в ЕС. Поэтому пока особого выбора для ГАЗПРОМа нет. Может быть, ЕС придет к картине, о которой говорил г-н Райли и тогда это будет новая картина.

Давайте сначала посмотрим просто на фактическое положение дел во взаимоотношениях России и ЕС. Есть графики, но я их приводить не буду, просто скажу Вам, что если посмотреть, как строится газоснабжение Европы, как строятся отношения российского экспортера ГАЗПРОМа с европейскими странами, мы увидим кривые роста. Европа нуждается в газе, долгосрочные контракты заключены и продолжают заключаться. В соответствии с ними общие законтракованные объемы газа растут, они составляют порядка 180 – 185 млрд. м³ в период, если все будет нормально, существующие контракты будут продлены, а обычно это так и происходит, то этот период до 2030 года. Т.е. на таком горизонте обозначены взаимные интересы сторон. На уровне 2015 года будут достигнуты эти объемы порядка 185 млрд., т.е. идет процесс бизнес-отношений. Проблем на двустороннем уровне со странами ЕС не было и нет, проблемы есть со странами переходной экономики, транзита.

Если посмотреть по конкретным странам, то картина примерно такая же, партнеры предпочитают, особенно в условиях ощущения некоторой недостаточности потенциальных энергоресурсов, забить эти объемы, согласовать эти отношения и продлить их как можно дольше. Это реальная картина. Для меня как эксперта, это даже удивительно, потому что эти европейские партнеры сейчас столкнулись с гораздо большими вызовами в силу процессов, которые там происходят.

Компании, о которых говорил г-н Райли, были защищены на своих рынках полностью, т.е. они покупали долгосрочный газ у России, но они всегда знали, что этот рынок их и они его распределят дальше. Теперь у них совершенно нет этой защиты, рынок либерализуется пока по не очень ясным правилам, туда могут прийти другие участники и т.д. В этой ситуации вполне можно было ожидать такую неуверенность, ведь это большие гарантированные объемы, они гарантированы с обеих сторон. Когда задают вопрос - Что произойдет, если ГАЗПРОМ отключит газ? – ГАЗПРОМ станет банкротом в силу тех обязательств, которые там возникают.

Т.е. такие вот огромные по масштабу сделки продолжаются и в новых условиях тоже при растущих рисках.

Теперь о рисках, которые реально существуют. Если взять таблицу и посмотреть как страны зависят от российских поставок, я говорю о газе, но и с нефтью ситуация похожа, но она менее выпуклая, как это обычно в газе. Есть страны с огромной зависимостью, Австрия например, на 70% своего потребления зависит от поставок газа из России и это 76% от импорта газа и т.д. Много других стран, Греция, Италия, в которых растет зависимость. Были ли у этих стран когда-нибудь проблемы с выполнением контрактных обязательств с российской стороны? Этим проблем не было.

Здесь нет грандиозного противоречия между либерализацией и долгосрочными контрактами, если это разумно продумано. Если Вы хотите что-то гарантировать, заключайте долгосрочные контракты, если Вы хотите получить гибкость и т.д., развивайте механизмы либерализации, находите баланс между этими двумя вещами.

Пока Россия и ЕС не являются частью единого пространства, то эти долгосрочные отношения, безусловно, нужны.

Расскажу об одной вещи, которая недавно произошла. В США, которые самый либерализованный рынок в мире, в котором началась усиливаться зависимость от импорта СПГ, федеральная комиссия США обратилась к покупателям газа с призывом подумать о долгосрочных отношениях, потому что она уже не может гарантировать полностью правила работы на этом рынке, он частично зависит от импорта.

Но европейская картина совсем другая. Здесь нет какой-то грандиозной идеологической битвы, но это понимание только сейчас складывается, потому что традиционное понимание либерализации, к сожалению, было такое – мы создадим биржу, все придет туда и наступит всеобщее счастье. Но как в старом анекдоте, биржа есть, а счастье не наступило.

Теперь другой аспект. Какие вопросы находятся сейчас в ЕС на верхнем уровне в энергетике? Первое это экология, климат, энергоэффективность.

Что касается определенных поставок, то это определенная стабилизация потребления нефти, снижение потребления угля, атомный ренессанс в отдельных странах и растущая зависимость от газа и интерес к газу.

Если мы посмотрим с внешней стороны, в энергетической политике на поверхности совсем другие вопросы, это либерализация и интеграция энергетических рынков и «угроза» безопасности энергоснабжения. Эти две повестки дня очень разные, не понятно, почему энергетическая политика фокусируется на этом втором спектре вопросов. С точки зрения реальных задач, мы не видим, что они являются решающими. Не было этих кризисов, когда они возникали, они были за счет третьих стран, это общепризнано сейчас.

Эти вопросы новостного характера оказались чрезвычайно важны с политической точки зрения. Я бы отметил еще одну особенность, они оказались чрезвычайно важны для формирования единой позиции ЕС, для повышения роли комиссии европейских сообществ в энергетике, потому что изначально у комиссии не было никаких полномочий. Это очень сложный аспект отношений. Полномочия комиссии растут в процессе конфликтов, к сожалению, и в процессе формирования роли энергетической безопасности, но они еще не сформированы, и когда ведутся переговоры и консультации, я оказался участником как эксперт с российской стороны и все это наблюдал, трудно даже представить, что остается за кадром.

Г-н Кулик сказал, что мы сказали что-то европейской стороне, они не ответили. Я думаю, что не ответили, потому что у них нет никаких прав ответить. Они получают эти права по принципу субсидиарности или не получают. Т.е. в момент, когда у них этих прав нет, ни один чиновник Европейской Комиссии не может что-то сказать, он должен провести консультации с 27 странами. Вот насколько сложный процесс. Нам надо это спокойно понимать.

Теперь о фактических и кажущихся проблемах в энергоотношениях России. Если мы взглянем чуть-чуть назад, то, что было в 90-е годы – вся нынешняя повестка дня родом оттуда. В 90-е годы энергоресурсы в глобальном смысле не проблема, их много, они дешевые, экспорт энергоресурсов для РФ – важнейший источник валюты и бюджетных поступлений и их еще недостаточно, требуются займы. Поэтому разговор с Россией в этом смысле был такой – поставляете свои ресурсы, поставляйте столько, сколько надо, не задавайте лишних вопросов. Тут ситуация была зависимости одной стороны. Если были конференции такого типа, как сегодня, то до недавнего времени, может два года назад ситуация стала меняться, конечно сегодня она другая. Разговор с представителями российского экспертного сообщества, любого другого сообщества был крайне простой – Вы готовы поставить столько энергоресурсов, сколько нужно? Никаких гарантий того, что нужно столько или не столько не было и никакой повестки дня, какие приоритеты внутри России. Это тоже важные вещи, потому что я сейчас

перейду к вопросу о том, каково восприятие сторон этой важнейшей энергетической сферы, как оно формировалось.

Когда говорили, что у нас в РФ нет повестки дня экспортировать максимум энергоресурсов, у нас совсем другие задачи. Это выслушивалось, но не было интересным. Это стало интересным сейчас в двухтысячные годы, но абсолютно изменилась повестка дня, все, что я сказал про энергоресурсы, сегодня не так, оказывается это важно. Значит, надо по-другому к этому относиться.

Повестка дня изменилась, но изменился ли полностью формат отношений, формат взаимного понимания. У России достаточно финансовых средств, она приветствует иностранные инвестиции, но сейчас нет проблемы в их недостатке. Приватизация РАО ЕС вызвала огромный приток инвестиций, насколько обоснованных, может инвесторы будут говорить потом, но приток огромен.

Я хотел бы привести некоторые цифры, которые может быть характеризуют понимание энергетических приоритетов профессионалами. Например, такие вопросы из опроса профессионалов:

1. На сколько Вы озабочены тем, что европейский газовый бизнес становится все более зависим от импортного газа?

Нисколько не озабочены – 34%
Немного озабочены – 27%
Не озабочены – 61%

2. Какой регион представляется Вам наиболее надежным поставщиком газа в Европе в течение предстоящих 5 лет?

Россия – 59,2%
Страны Каспия и Ближнего Востока – 12,6%
Северная Африка – 8,7%
Поставщики сжиженного природного газа - 19,7%

Это вызвало удивление, но это коллективное мнение, несговорчивое. Значит не так все страшно в реальности.

3. Чувствуете ли Вы себя комфортно в отношении объемов поставок российского газа на европейский газовый рынок?

Очень комфортно – 6%
Комфортно – 34%
Нейтрально – 34%
Некомфортно – 16%

Теперь перейду к тем вопросам, которые задал г-н Райли. Что же существенно? Да, я согласен, транзит существенен и связанные с этим вопросы, они затрагивают третьи страны, поэтому должны обсуждаться в более широком кругу участников.

Какие отношения возможны с Россией в энергетической сфере? Первое, это торговля энергоресурсами, никаких вопросов, контрактные формы и прочее. Случай с Мажейкяем, он не противоречит, там не было контрактных отношений, которые были нарушены. А вот пожелания, интересы, бизнес-интересы могут обсуждаться, но это другой предмет. Это не вопрос безопасности, это вопрос того, как стороны построили свои отношения, какие риски они заложили.

Другая форма отношений, это отдельные и важные проекты, которые поддерживаются параллельными сделками компаний. Я удивлен тому, что сегодня услышал, что северо-европейский газопровод признан ЕС как проект европейского интереса, включен в

соответствующий список. Мы услышали, что есть возражения, но демократия в действии, все это правильно, ЕС признал это важным проектом, может кто-то не согласен, но это так.

Следующая возможная сфера, это широкое кооперирование, но пока такого решения нет. Должно быть широкое кооперирование в сфере энергетики, тогда потребуются создание правил. Здесь надо обсуждать транзит, инвестиции, защиту существующих, способ минимизации ограничений для новых, учет замкнутого списка оснований, по которым новые инвестиции могут быть ограничены во внешнеэкономическом режиме, симметрия определенных отношений поставщиков и потребителей и целая повестка дня, общая заинтересованность в безопасности взаимных инвестиций, развитие сотрудничества, включая технологические аспекты, развитие сервиса и т.д. Целый спектр вопросов вообще не затрагивается, который привел к абсолютно неконкурентоспособной ситуации, к резкому росту стоимости всех проектов и это важнейший фактор сейчас, что цены не упадут, они не могут упасть, потому что проекты стали очень дорогими. Если так будет продолжаться дальше, если будет монополизм в этих сферах, они никогда не станут дешевыми. Давайте думать о том, почему нет развитого рынка и есть конкуренция в технологических сферах.

Этот спектр вопросов ставится как вопросы возможной модернизации договора к энергетической хартии. Россия выступила с такой инициативой, пока она не детализирована и дальше будет вопрос в том, есть ли здесь предмет для разговора. Потому что разговор, который проходил два года назад носил несколько ультимативный тон, а это документ, который имеет свою историю и ограничения. Сначала надо обсуждать насколько он адекватен сейчас.

И последнее, это вопросы о СПС. Здесь уже были обсуждения, что может быть в нем. Здесь может быть взаимоотношение с тем процессом, который происходит по договору энергетической хартии, я это вижу. В договоре о партнерстве не возможна будет достаточная детализация, а она нужна, потому что российские компании страдают от нестабильности на европейских рынках. То, что сказал г-н Юргенс, это совершенно конкретный пример. Протокол по транзиту может снять эту озабоченность. Но ситуация по протоколу такова, что основная точка, которая там не согласована, это будет ли он применен на территории ЕС, т.е. позиция ЕС, что он не будет применен. Тогда зачем заключать этот протокол, почему ЕС является стороной этого протокола, очень много вопросов. Если он будет применен, может это ограничение каких-то пожеланий, но тогда это некая ситуация симметрии.

Основной вопрос – как строить отношения? Они должны строиться на равноправной основе, с учетом интересов обеих сторон, но надо понимать, что и РФ и ЕС, все эти рынки находятся в состоянии движения. Мы не видим этой картины европейского рынка. Когда говорят о динозаврах, но разве первые энергетические динозавры российского происхождения? Если мы посмотрим на мировую карту, есть еще и покрупнее динозавры, не должно их быть, но тогда будет другая картина, будут бегать маленькие млекопитающие. Есть ситуация большой неясности, надо над этим работать, согласен, но не надо искать какие-то идеологические предпочтения, что должно быть так, да никто не знает, как должно быть.

Ну и чтобы облегчить дискуссию. Некоторые вещи упираются в нечеткость, политкорректность и т.д. Но когда я слышу от официальных лиц ЕС заявления о самоназвании Европа и о взаимоотношениях России с Европой, это не правомерно. Я предлагаю официальным лицам ЕС принять на себя обязательства больше не называть ЕС Европой, не ставить в этом смысле вопрос о взаимоотношении России с Европой, а говорить о взаимоотношениях России и ЕС, иначе в России тоже есть люди, которые склонны себя называть не РФ, а Евразией и т.д. И тогда мы перейдем в другую сферу.

И последний мой призыв относится к пониманию новых реальностей и не упору на те вещи, которые часто приходится слышать и с российской стороны и сегодня прозвучало, что мы ЕС самая богатая часть мира, а мы РФ богаты энергоресурсами и

т.д. Это очень хорошо на торговых переговорах, каждая сторона показывает, что у нее сильная торговая позиция, но это абсолютно бесполезно и негативно для партнерства. Партнеры изначально знают силы друг друга и дальше они идут к тому, чтобы быть равными. Спасибо».